

journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	91
page range	313-323
year	2010-04-30
URL	http://hdl.handle.net/10502/00008616

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в предшествующих главах данные позволили полнее представить длительный и сложный путь исторического и этнического развития тувинского народа, его современное состояние и перспективы развития. Стали лучше видны достигнутые им успехи и нерешенные проблемы в каждой отдельно взятой стране – России, Монголии и Китае.

Этнографический характер данного исследования определил и основной круг рассмотренных тем и проблем - они в основном касались этнополитической истории Тувы, этноязыковой и конфессиональной ситуации, этнических и этнокультурных процессов у российских, монгольских и китайских тувинцев.

В то же время работа отнюдь не дает исчерпывающих ответов на поднятые вопросы, так как практически каждый из них может стать предметом специального исследования, ибо фактическая база, которая постоянно обновляется, дает исследователю пищу для дальнейшего анализа и размышления. Настоящая работа написана в основном на историческом, этнографическом и этносоциологическом материале, но каждодневные изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности различных групп тувинского этноса, могут заставить специалиста - филолога или лингвиста, историка или культуролога, социолога или психолога – каждый из поставленных в монографии вопросов пересмотреть и переосмыслить заново, осветить со своей точки зрения.

На данном этапе мы ставили перед собой цель – дать общее представление об этногенезе тувинцев, поэтапно показать пройденный ими исторический путь, результатом которого стало проживание тувинцев в трех странах – в России, Монголии и Китае. Современное этническое и этнокультурное развитие тувинцев в каждой стране, безусловно, имеет свою специфику, и мы попытались раскрыть ее через призму тувинско-русского билингвизма, конфессиональной ситуации и современных этнокультурных процессов у российских тувинцев; языка, материальной и духовной культуры, а также межэтнических отношений – у монгольских и китайских тувинцев. Была также попытка исследовать судьбу отколовшихся частей тувинского этноса - тофаларов и сойотов.

Представленные в работе материалы показывают, что территория современной Тувы, где проживает основная часть тувинского этноса, впервые была заселена первобытным человеком в ашельское время раннего палеолита; в эпоху каменного века здесь происходило формирование Homo Sapiens, т.е. человека разумного, в дальнейшем

заселившего весь север Азии. Бронзовый век Тувы ознаменован развитием скотоводства и освоением металлургии бронзы и меди.

В I тысячелетии до н.э. территория Тувы входила в состав общественных объединений скифского мира; в это время ее племена перешли от оседлых пастушеско-земледельческих форм хозяйства к кочевому скотоводству и оседлому земледелию с использованием оросительной системы, что в свою очередь способствовало освоению новых видов металлов, в том числе железа. Именно в это время началось формирование древнейших племенных объединений, представлявших собой ранние государственные образования.

В конце III в. до н.э. произошло вторжение центрально-азиатского племенного союза хунну на территорию Саяно-Алтая, что привело к большим изменениям в социально-экономической жизни и этническом составе населения Тувы: изменился антропологический тип местных жителей (произошел переход к центрально-азиатскому типу большой монголоидной расы) и изменился облик их материальной культуры.

Этнополитическая история Тувы в период раннего средневековья – в VI – XII вв. – теснейшим образом связана с возникновением и развитием раннефеодальных государств – древнетюркского (VI – VIII вв.) и уйгурского (VIII – IX вв.) каганатов, государства древних кыргызов (IX – XII вв.), каждый из которых имел свое государственно-административное управление, письменность, религиозные верования, дипломатию, крупные центры торговли и ремесла, города с монументальными архитектурными сооружениями, что в целом было показателем наивысшего расцвета саяно-алтайского очага центрально-азиатской цивилизации и культуры, имевшей многосторонние связи с другими цивилизациями и культурами не только Востока, но и Запада.

Тюркизация населения Тувы, начавшаяся со времени ее вхождения в состав древнетюркского каганата и получившая дальнейшее развитие при уйгурах и кыргызах, стала одним из важнейших детерминантов складывающейся этнической общности, оказавшим влияние и на формирование этнолингвистического и этнокультурного облика обитателей Саяно-Алтайского нагорья.

Однако периоды расцвета чередовались периодами экономического и культурного упадка Тувы. Они главным образом были связаны с нашествием иноземных завоевателей – монгольских феодалов (XIII – XIV вв.) и маньчжурских захватчиков (XVIII – начало XX вв.). В конце XIV – начале XV в. тувинские племена составляли значительную по численности этническую общность, игравшую важную роль в социально-экономической и политической жизни региона; они имели такие признаки

этноса, как общая территория (тувинские родоплеменные группы кочевали южнее до Кобдо, восточнее – до озера Хубсугул и по северной стороне Саян через Алтай и Минусинскую котловину до верховьев р. Урунгу, Черного Иртыша и г. Томска), единый язык, сложившийся на основе тюркского корня, самоназвание «тыва» (хотя соседние народы именовали их «урянхайцами» и «сойотами»), общие черты хозяйственной деятельности (кочевое скотоводство и земледелие), материальной и духовной культуры.

В это время значительное развитие получил натуральный обмен тувинцев с соседними народами, в частности с русскими. Русско-тувинские экономические связи содействовали, с одной стороны, появлению в Туве русской золотопромышленности, положившей начало развитию товарно-денежных отношений в крае, с другой – установлению русской колонизации в 90-х годах XIX в., что, по мнению многих исследователей, имело большое значение для социально-экономической и культурной жизни населения Тувы.

Развитие феодальных отношений в тувинском обществе порождало свои идеологические, правовые и религиозные надстройки, которые способствовали резкому социально-имущественному расслоению местного населения. Поэтому массовые выступления беднейших слоев, имевшие место во второй половине XIX в., привели к тому, что в 1911-12 гг. тувинцы не только окончательно сбросили полтора вековое военно-политическое иго маньчжурской династии Цин, но и свергли власть местной феодально-чиновничьей верхушки.

С объявлением протектората России над Тувой 18 апреля 1914 г. начался качественно новый этап в истории тувинского народа, во многом определивший его дальнейшую судьбу.

Тувинская Народная Республика, образованная в 1921 г., просуществовала недолго – в октябре 1944 г. она вошла в состав СССР, в рамках которого имела свою национально-территориальную государственность, благодаря которой была обеспечена всем необходимым, что позволяло ей не только сохранять и развивать свою этническую самобытность, но и быть интегрированной в советское культурное пространство.

После распада СССР в 1991 г. Тува по-прежнему сохранила свой национально-территориальный статус, оставшись в качестве одного из национальных субъектов Российской Федерации, однако в ее социально-экономической, политической и культурной жизни наступил качественно новый этап, наполненный новыми модернизационными идеями, непосредственно поступающими из центра.

На этот раз Тува вновь оказалась перед необходимостью смены социального вектора. Республика, как и в начале XX в., оказалась перед выбором: какой путь развития избрать, чтобы в дальнейшем не только сохранить, но и преумножить свои достижения, не утратив при этом своей этнической идентичности и самобытности. Этот вопрос побуждает некоторых исследователей говорить о возможных сценариях развития Тувы.

В середине 1990х годов предлагались четыре варианта развития Тувы: экстраполяционный (продолжение существующих тенденций), суверенный (гипотетически при выходе из состава РФ, что было отражено в Конституции Тувы 1993 г.), рыночный (с формированием рыночных структур на основе традиционных видов хозяйствования) и «ретро» (возвращение в чистую традиционность) (Балакина, Анайбан 1995:120-124). Однако в начале 2000-х годов исследователи заговорили о том, что для Тувы предпочтителен такой вариант развития, который бы учитывал опыт успешной модернизации регионов мира на основе их культурной идентичности (Даргын-оол 2002:27).

Несколько иной вектор развития имеют тувинцы, живущие в Монголии и Китае. В истории их расселения в этих странах и формирования современных этнолокальных групп выделяются по крайней мере два этапа. Первый – со второй половины XVIII в. до конца XIX в. – характеризуется тем, что к этому времени самоназвание «тыва» стало уже общим самоназванием всех племен, вошедших в этнический состав тувинской нации. Достаточно обширная этническая территория тувинцев на втором этапе – первая половина XX в. – была разделена государственными границами: основной этнический массив оказался в России, а отдельные осколочные части его – в Монголии и Китае. Так было положено начало современному национально-территориальному размещению монгольских и китайских тувинцев.

Проживая дисперсно достаточно продолжительное время в географическом удалении друг от друга, зарубежные тувинцы сформировали четыре изолированные этнолокальные группы. Из них три группы локализуются в Монголии (в Хубсугульском, Кобдоском и Баян-Улэгэйском аймаках), одна – в Китае (в Алтайском аймаке СУАР).

Основными объединяющими их признаками являются язык, родоплеменной состав и этническое самосознание, включающее в себя национальное и этнолокальное самосознание. Первое подразумевает осознание ими самих себя как части тувинского этноса и развито достаточно высоко. Этнолокальное самосознание проявляется не столь ярко, так как сдерживается активным процессом языковой и культурной

ассимиляции тувинцев соседними, более многочисленными этносами.

Длительное проживание зарубежных тувинцев в условиях точечной дисперсии в инонациональной (в основном монгольской и казахской), активно воздействующей среде, не могло не привести к языковым и этнокультурным изменениям. Так, у них наблюдается сложившееся тувинско-монгольское двуязычие, которое развивается в двух направлениях – «вширь» и «вглубь» с повышением уровня монгольской языковой компетенции и адекватным ему снижением языковой компетенции тувинской. Существует также сфера действия тувинско-монгольско-казахского мультилингвизма, имеющего локальный характер. При первой и второй тенденциях язык зарубежных тувинцев претерпевает морфологические и семантические изменения.

В настоящее время достигнут достаточно высокий уровень интегрированности национальной культуры тувинцев с вненациональной, приведшей к значительной унифицированности в сфере духовной и материальной культуры. Нивелировка этнически значимых черт в их культуре, а также замещение утраченных, либо утративших реальное значение элементов тувинской национальной культуры монгольскими или иными вненациональными эквивалентами, обусловлены рядом причин: многочисленными культурными заимствованиями у окружающего монгольского и частично казахского населения; глубокими изменениями традиционного хозяйственно-бытового уклада под воздействием политико-экономических условий жизни сельского населения как результата исторического развития двух стран, высоким уровнем межнационального общения, исторически сложившейся высокой степенью языковой ассимиляции тувинцев соседними народами и, наконец, снижением уровня культурно-национальных ориентаций, что обусловлено культурно-языковой оторванностью тувинцев от основной массы этноса.

Исследуя такую деликатную и чрезвычайно неустойчивую сферу, как межнациональное общение, мы пришли к следующим выводам. Первое – налицо весьма высокий уровень межнационального общения тувинцев Монголии и Китая в основном с монголами и казахами, среди которых и проживает основная масса зарубежных тувинцев. Второе – личные национальные установки тувинцев в подавляющем большинстве направлены на межэтническое общение, интраэтническими мы можем признать лишь их установки на брак. Третье – в будущем, очевидно, следует ожидать некоторый рост экстраэтнических, т.е. направленных преимущественно на инонациональное общение, установок, что приведет к большей степени ассимилированности зарубежных тувинцев окружающим полиэтничным населением.

Результаты исследования национально-смешанной брачности показали, что в целом для тувинцев Монголии и Китая характерен моногамный брак с соблюдением экзогамных запретов, за исключением этнолокальной группы, проживающей в Баян-Улэгэйском аймаке Монголии, у которой в последнее время наблюдается значительное их нарушение. Вместе с тем на развитие процесса межэтнической брачности влияет и, судя по всему, будет влиять в ближайшем будущем устойчивая ориентация тувинских этнофоров на однонациональные браки. И, наконец, в развитии этноассимиляционных процессов у зарубежных тувинцев со стороны монголов определенную роль играют их межэтнические браки, число которых хотя и не столь значительно, но все же имеет некоторую, пока слабо выраженную, тенденцию к возрастанию в будущем. Примечательно, что на данном этапе количество тувинско-монгольских брачных союзов значительно превышает число браков тувинцев со всеми остальными этническими партнерами.

Важной составляющей современной идентичности тувинцев Монголии и Китая является их отношение к Туве как к большой Родине, образ которой идеализируется не только в устном народном творчестве, но и в представлении людей. Когда мы спрашивали китайских тувинцев, какую страну они хотели бы посетить, молодые и пожилые отвечали одинаково: «Россию, а именно Туву, родину наших предков». Однако желания уехать в Туву на постоянное жительство никто не изъявлял. Все говорили: «Мы отсюда никуда не уедем, здесь похоронены наши отцы и деды». В отличие от них многие тувинцы, живущие в Монголии, готовы навсегда переехать в Туву, если на это согласятся российские власти. Их на это вдохновляет пример соседей-казахов, уезжающих на постоянное жительство в Казахстан. С другой стороны, желание когда-нибудь попасть в Туву всегда жило в душе монгольских тувинцев. Об их ностальгических чувствах Ц.Уламсуренгийн пишет: «В советские же времена с большой охотой слушали радиопередачи на тувинском языке, транслировавшиеся из Тувинской АССР, сейчас такое уже не представляется возможным. С удовольствием читают книги на тувинском языке. Наши экспедиции несколько раз привозили партии книг... Книги быстро разбирались. Старики мечтают, чтобы их внуки научились читать и писать на родном языке. С надеждой смотрят на «большую» Туву» (Уламсуренгийн 2003:11).

В работе также была предпринята попытка исследовать судьбу отколовшихся частей тувинского этноса – тофаларов и сойотов. Относительно их можно констатировать, что они во многом прошли одинаковый путь, хотя и не лишенный своеобразия в каждом отдельном случае. Отколовшись в ХУП в. от основного этнического массива, они

практически развивались автономно, при этом каждый из них оказался под влиянием иноэтничного окружения, которое впоследствии их значительно ассимилировало. В своем этническом развитии тофалары и сойоты прошли несколько последовательных этапов, каждый из которых характеризовался определенными признаками.

Первый этап – консолидация. Отколовшись от материнского этноса, тофалары и сойоты образовали компактный ареал, относительно обособленный от местного населения, чуждого им по хозяйственно-культурному типу, языку, конфессии и т.д. Поэтому на начальных этапах внутри тофаларов и сойотов доминирующим был процесс консолидации, внутригруппового единения. Последнее нашло выражение в актуализации этнического самосознания, в тенденции к слиянию в сравнительно сплоченную этническую группу, в некоем стремлении к обособленности, в оседании в моноэтничных поселениях или нескольких соседствующих селениях, в сохранении языка, традиций, материальной и духовной культуры.

Второй этап – межэтническая интеграция. По мере утраты контактов с материнским этносом и по мере возрастания сначала хозяйственных, затем и культурно-бытовых связей с окружающим иноэтничным населением, возникали предпосылки для процессов взаимного сближения. Постепенно развиваясь, этот процесс на определенной стадии стал для тофаларов и сойотов основной тенденцией их развития. Сближение с соседствующей средой в немалой степени способствовало ослаблению связей, прежде всего хозяйственно-экономических, с материнским этносом. Преобладающими, а вскоре и господствующими стали связи с окружающим населением.

О сближении тофаларов и сойотов с последним свидетельствовало появление и нарастающее развитие билингвизма. Совершенствование знания языка доминирующего этноса (для тофаларов - русского, для сойотов – бурятского, затем и русского) привело к тому, что адаптанты начали предпочитать обучать детей не на родном языке, а на языке большинства населения или на языке межнационального общения (русский для сойотов). Значительную роль в этом процессе сыграли межнациональные браки, доля которых неуклонно росла как среди тофаларов, так и сойотов.

Третий этап – этническая адаптация. Постоянно усиливающийся процесс этнической интеграции тофаларов и сойотов завершился своеобразной ступенью их этнокультурной адаптации, которую можно и должно рассматривать как определенную стадию завершения процесса их сближения с окружающим иноэтничным населением. Эта стадия

характеризуется изменениями хозяйственно-культурного типа, воспринявшим традиции иноэтнической среды, а также в отдельных случаях изменением конфессиональной принадлежности, дальнейшим распространением межнациональных браков. Этническое самосознание, многие комплексы материальной и духовной культуры сохранились при этом довольно устойчиво. Родной язык, уступая социальные функции языку большинства населения, употреблялся сначала в быту, а затем постепенно начал утрачиваться. В настоящее время ни тофалары, ни сойоты почти не говорят на своем родном языке. Попытка возродить родной язык в полном объеме, предпринятая тофаларами в начале 1990-х годов, пока положительных результатов не дала. Так, американский лингвист Д.Харрисон, проводивший полевые исследования среди тофаларов в 2003 году, отмечает, что в двух деревнях ему удалось найти только 15 человек, бегло говорящих на родном языке. При этом все они были в возрасте старше 40 лет, а их дети уже не знали родного языка, что свидетельствовало об угасании тофаларского языка (Harrison 2008:21).

Четвертый этап – ассимиляция. При этой ступени развития этническая группа почти или полностью утрачивает и языковые, и этнокультурные признаки материнского этноса. По мере утверждения языка и культуры окружающего этноса прежнее этническое самосознание заменяется новым.

Процесс ассимиляции, начинающийся, как правило, с изменений в самой пластичной сфере – сфере материальной культуры, далее может быть прослежен в языке и образе жизни. Поскольку ассимиляция – процесс сложный и длительный с промежуточными этапами развития; завершением его можно считать только тогда, когда коренные изменения происходят в сфере этнического самосознания. Применительно к тофаларам и сойотам можно утверждать, что несмотря на их ассимиляцию в языковом, культурно-бытовом отношении, они до сих пор продолжают осознавать себя причастными к конкретной этнической общности: тофалары – к тофаларской, сойоты – к сойотской. Они выделяют себя из других подобных образований. Следовательно, процесс их ассимиляции нельзя считать завершенным.

Однако возвращаясь к этническим тувинцам, проживающим в России, Монголии и Китае, мы можем утверждать, что их этническое и этнокультурное развитие в этих странах носит сложный и неоднозначный характер. Однако думается, что дальнейшее изучение тувинцев, особенно зарубежных, откроет много нового, что будет способствовать еще более глубокому и всестороннему пониманию их современного образа жизни.

Осенью 2001 г. в столице Республики Тыва открылось Генеральное

консульство Монголии, призванное регулировать российско-монгольские взаимоотношения в самых различных областях. На должность консула Великим хуралом Монголии был утвержден Т. Пунцок, цэнгэльский тувинец, до этого работавший послом на Кубе и в структурах Министерства иностранных дел страны. В 2004 году его на этом посту сменил Чойжинжавын Сумаахуу.

Благодаря этому представительству тувинские и монгольские исследователи обрели возможность без излишней бюрократической волокиты осуществлять совместные и индивидуальные научные проекты, в том числе и по дальнейшему, более глубокому и всестороннему изучению тувинцев Монголии.

В 2002 г. между Тувинским институтом гуманитарных исследований и Научным центром Баян-Улэгэйского аймака был подписан договор о совместном научном сотрудничестве на 5 лет, результатом которого должна стать подготовка и издание книги «Тувинцы: историко-культурное наследие». Первым шагом на пути к его осуществлению стала комплексная фольклорная экспедиция в сумон Цэнгэл, в которой приняли участие исследователи двух стран (всего 7 человек). В общей сложности ими было записано 467 наименований разного материала (333 фольклорного, 34 литературного, 48 этнографического, 22 исторического, 12 лингвистического и 18 родословных таблиц) и более 400 комментариев лексики. Экспедиция проехала по маршруту Кызыл-Хандагайты-Улэгэй-Цэнгэл-Верховья Ак-Хема (Самдан 2003:365, 367).

В октябре 2003 г. в Кызыле состоялся Международный симпозиум «Письменное наследие тюрков», посвященный 110-летию дешифровке орхон-енисейской письменности и 100-летию выхода в свет труда известного тюрколога Н.Ф.Катанова «Опыт исследования урянхайского языка». В числе почетных гостей, приглашенных на это мероприятие, был и Чинагийн Галсан, ранее упоминавшийся нами цэнгэльский тувинец, ныне известный писатель Монголии, лауреат Высшей литературной премии Германии, автор более 20 книг на монгольском и немецком языках (Мижит 2003:378, 380).

В августе 2004 г. в столице республики, накануне празднования 60-летнего юбилея со времени вхождения Тувы в состав Российской Федерации, состоялся Первый съезд этнических тувинцев, на который съехалось более 80 человек из разных регионов Центральной Азии. Гости были из Бурятии, Алтая и Монголии. Местная пресса отмечала, что делегация монгольских тувинцев была самой представительной и по количеству, и по подготовке. На ярмарке изделий народно-художественных промыслов монгольские тувинцы выставили оригинальную продукцию

национальных сувениров, ковров и картин.

Одной из популярных персон на съезде была художница из Улан-Батора Лууревийн Онерчимег, уроженка Цэнгэла, которой Правительство Тувы присудило почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Тыва» за весомый вклад в пропаганду тувинской культуры на международном уровне.

Делегация из Бурятии был представлена сойотами, у которых на съезде «проснулась» этногенетическая память. Они неоднократно подчеркивали свою причастность к тувинскому этносу не только в прошлом, но и в настоящем.

К сожалению, из-за возникших трудностей с оформлением виз на съезд не смогли приехать тувинцы Китая. Однако их попытка посетить Туву, чтобы участвовать в этом форуме, уже говорит о многом. В 1993 году, когда мы впервые оказались у них, они даже представить не могли, что через какое-то время «большая Тува» начнет собирать всех тувинцев вместе.

Надо заметить, что правительство Тувы прилагает много усилий по оказанию помощи зарубежным, в частности монгольским братьям, что лишь способствует общей этнической консолидации тувинцев. Учитывая то обстоятельство, что тувинцы в Монголии испытывают определенные сложности, связанные с сохранением родного языка, правительство Тувы обязалось регулярно обеспечивать пока единственную тувинскую школу в Цэнгэле всеми необходимыми учебниками и пособиями. Более того, осенью 2001 г. туда были направлены специалисты-строители из Тувы для ремонта здания школы. Строительные материалы специально доставлялись из России.

Высшие и средние учебные заведения республики принимают на льготной основе абитуриентов из числа монгольских тувинцев. Наиболее успешные из них по окончании института поступают в очную аспирантуру на базе ТывГУ.

Летом 2008 г. генеральный консул Монголии в Туве Чойжинжавын Сумаахуу был награжден тувинским правительством Орденом дружбы народов за выдающиеся заслуги в деле укрепления дружбы и добрососедства между тувинским и монгольским народами, за вклад в развитие торгово-экономических, научно-технических, культурных и гуманитарных связей между Тувой и Монголией. За время его полномочий отношения между республиками действительно заметно активизировались: неоднократно проводились Международные торговые ярмарки, устраивались совместные национальные праздники (Наадым и Новый год по лунному календарю), осуществлялся обмен кадрами, проводились

мероприятия по сохранению культуры и языка этнических тувинцев, проживающих в Монголии.

Таким образом, можно считать, что начало сотрудничеству между тувинцами России и Монголии в различных областях уже положено. Однако, насколько успешными и плодотворными будут контакты между российскими тувинцами и тувинцами Китая, к которым в силу объективных причин пока трудно попасть (за исключением отдельных исследователей), покажет время.